

Дмитрий Николаевич Иванов

(Государственный музей политической истории России)

Борьба Черноморского флота с контрабандной торговлей на восточном побережье Черного моря в 1830–1840-е годы

В 1830–1840-е годы одной из основных проблем, стоявших перед Черноморским флотом, была поддержка действий сухопутных войск на Кавказе. Немалое значение придавалось противодействию контрабандной торговле на восточном побережье Черного моря, которой занимались горцы, турки и англичане.

Относительно контрабанды, осуществляемой черкесами, мы располагаем письмом неизвестного автора, датированным 1843 г.¹, в котором рассматривается эта проблема. В Константинополе проживало около 400 черкесов, в распоряжении которых находилось 4 судна (два — под турецким флагом), которые перевозили «тюки с товаром» (по сведениям автора, порох и свинец). Два судна имели по 2 пушки, еще для одного приискивалось два орудия. На всех судах сверх экипажа находились крепкие черкесы средних лет (на одном — 27, на остальных — по 40). Горцы планировали купить еще одно судно под турецким флагом. Маршрут судов был: Хадже-Скелесси — Суждук-Кале (около русских укреплений) — Треби-Скелесси — Водона-Скелесси — Субани-Скелесси (возле русских укреплений). Достигнув Абхазии, они заводили суда вверх по течению рек и в августе возвращались в Турцию с грузом невольников, ежегодно вывозя до 4000 рабов².

Большую роль в контрабандной торговле с черкесами играли турки. В 1838 г. с мыса Вона к берегам Абхазии «беспрестанно» отходили турецкие кочермы. Эти суда ходили «напрямик» и при сильном попутном ветре доходили до берега за сутки. Они боялись парусов и при их появлении не выходили в море³. Результатом этого стало установление крейсерства русских судов вблизи мыса⁴. В 1837 г. А. П. Бутенев дважды обратил внимание турецкого правительства на связи турок с горскими народами России. В результате трезизундскому паше было послано везирское предписание положить конец связям жителей его края с горцами⁵. Однако ощутимых результатов достичь не удалось, тем более что у многих турецких чиновников в Черкесии были родственники и контрабандисты пользовались их скрытым покровительством⁶.

России приходилось применять к контрабандистам все более жесткие методы. В 1839 г. русским крейсерам было предписано раз-

бивать ядрами суда, вытасканные на абхазский берег⁷. К контрабандистам предписывалось применять меры, установленные в своде законов Российской империи, но в нем говорилось о запрещенном товаре, а в данном случае речь шла о запрещении иностранным судам подходить к берегу ближе определенного расстояния (согласно «Инструкции...» 1838 г.)⁸. Генерал-майор Анреп предлагал, чтобы турецкие «тайнопромышленники», пойманные у северо-восточного берега Черного моря, отправлялись на принудительные работы либо на военную службу в Финляндию. Этот проект получил одобрение царя⁹. Что касается случаев задержания турецких судов, то их достаточно мало.

30 мая 1836 г. тендер «Соловей» напротив мыса Мамах задержал пытавшееся скрыться судно, успевшее спустить на воду баркас, который с частью груза сумел скрыться. В ходе следствия стало известно, что на баркасе отплыл второй хозяин судна (другой совладелец остался на борту) и пять человек команды. Турки признались в стремлении продать свои товары черкесам, ссылаясь на незнание существующих порядков. На судне были изъяты ткани, платки, набойки, сафьян, а также 15 фунтов пороха; 2 пуда 20 фунтов стали; 12 пудов 28 фунтов железа, 1 пуд свинцовых пуль¹⁰. Что было погружено на баркас, осталось неизвестным.

Другой случай связан с задержанием турецкого брига русскими крейсерами около Анапы в 1832 г. Согласно показаниям задержанных, проходя мимо Сунджук-Кале, шкипер, будучи в подпитии, собрался зайти в бухту, чтобы встретиться с русским капитаном, с которым он познакомился в 1831 г. Встав на якорь в сумерках, он занял место только что отошедшего судна. Шкипер заявил, что будет ждать возвращения этого судна, а тем временем часть товаров была сгружена горцам. На следующий день военное судно арестовало бриг и отвело его в Геленджик¹¹. Найти в темноте судно, занявшее место только что отошедшего, можно только точно зная, когда и где оно должно быть, своевременно покинувшее рейд судно едва ли было случайным.

Немалая часть контрабанды перевозилась более простым способом. В одном из донесений российского посольства в Турции за 1837 г. сообщалось, что одновременно от черкесских берегов «вышло несколько десятков каяков, которые успели достичь Турции»¹². Эти цифры подтверждает неизвестный английский журналист, согласно которому контрабандная торговля осуществлялась на маленьких лодках, совершавших 2–3 рейса в год. Он насчитал около 140 таких судов¹³.

Наибольшую опасность для России представляла английская деятельность на Кавказе, носившая разноплановый характер.

Если говорить о контрабандной торговле, то единственным «успехом» крейсеров стала шхуна «Виксен», задержанная 14 ноября 1836 г.¹⁴ После задержания удалось установить, что с ее борта в Суджук-Кале сошел человек, возможно, бывший посланником египетского паши¹⁵. Кроме того, на основании косвенных данных было установлено, что «Виксен» доставил горцам 8 орудий, много ружей и шашек, 200 бочонков пороха по 4 пуда¹⁶. Главной фигурой в этом деле был задержанный на борту шхуны Белл, купец и английский консул в Португалии¹⁷. Впоследствии он неоднократно бывал у горцев и оказывал им помощь в борьбе с Россией. Впрочем, англичане и не скрывали целей экспедиции — «Morning Chronicle» писала: «Шхуна «Виксен»... отплыла из Константинополя с инструкцией прорвать... блокаду, установленную Россией у берегов Черкесии... Груз судна состоит, главным образом, из пороха — статьи, запрещенной русским тарифом, но именно поэтому тем более [этот факт] высоко оценивается с точки зрения решительного характера эксперимента, так как это дает возможность испытать законность [установленной] блокады. <...> Эффективное сопротивление России нужно оказывать именно здесь»¹⁸.

Сообщения о подобных действиях англичан поступали часто. В 1837 г. стало известно, что шхуна «Уизард» находилась в Новороссийской гавани для отыскания потопленных в 1827 г. турецких орудий, которые предполагала поднять, чтобы доставить черкесам. Совладельцем шхуны был секретарь английского посольства Уркварт¹⁹. В том же году в Черкесию с контрабандой отправился бриг «Эмма»²⁰. В 1839 г. Лазареву сообщили, что судно «Роберт» следует не с балластом, как было указано в документах, а с военными припасами²¹. Порой контрабанда была весьма серьезной. В 1837 г. А. П. Бутенев сообщил об отплытии в Черное море шхуны «Yagmouth» для передачи черкесам пороховой мельницы и механика, который должен был обеспечить ее функционирование²². Операция англичанам удалась²³.

В 1837 г. стало известно о планах Белла отправиться в сопровождении еще двух лиц к горским народам. Он был снабжен паспортом в Черное море от английского посла²⁴. В том же году английское судно с корреспондентом «Morning Chronicle» Лонгвортом на борту предприняло попытку понасть в Абхазию²⁵. Белл, а чуть позже и Лонгворт, прибыли в Трапезунд, откуда вместе с еще одним европейцем убыли к черкесскому берегу на английском судне с грузом товаров из Константинополя²⁶. Уже в Черкесии к ним на время присоеди-

нились два друга-англичанина²⁷. Согласно донесению из Буюкдере, черкесы вначале готовы были смириться с владычеством России, но Лонгворт, Белл и третий англичанин сумели «возмутить старейшин, опять уверили их в участии и покровительстве Англии»²⁸. Лонгворт выдавал себя за диван-ефенди (секретаря), присланного английским королем и парламентом для доставления подробных известий о ситуации в Черкесии. Белл именовал себя английским посланником и подарил черкесам знамя, якобы присланное английским королем, которое называл знаменем независимости²⁹. По распоряжению Белла около пристани абхазов начали строить шхуну, по его заказу из Трапезунда в Черкесию было поставлено пороха на 5 000 турецких пиастров, который был благополучно перевезен, но само судно позже было захвачено русскими крейсерами. Лонгворт купил в Синопе большую лодку и доставил на ней в Черкесию товаров на 30 000 пиастров (железо, серу, английские изделия)³⁰.

В 1939 г. три английских инженера отправились в Самсун для следования в Черкесию. Находясь в Константинополе, они встречались с Лонгвортом. Перед путешествием они заручились рекомендательными письмами от влиятельных горцев. В Самсуне они перед отправлением запаслись военными припасами. Сам Лонгворт также собрался вновь ехать к горцам³¹.

На Кавказ проникали английские военные: в 1837 г. с восточного берега Черного моря прибыли капитан Маррин и лейтенант Идо. Маррин «в скором времени» намеревался вернуться в Черкесию для присоединения к Беллу и Лонгворту и хотел получить рекомендательные письма от проживавших в Константинополе горских выходцев. Идо предполагал отправиться в Англию, везя образцы свинцовых, металлических и других руд на предмет использования их для защиты непокоренных Россией жителей³². Тогда же в Самсун прибыли полковник Консидейн и капитан Смит, о намерениях которых не было достоверных сведений³³. В 1839 г. англичанин Найт, уже побывавший в 1838 г. на Кавказе, собрался отправиться в сопровождении артиллерийского унтер-офицера, солдат и нескольких орудий в Черкесию³⁴.

Каждый раз, как становилось известно о попытке проникнуть в Абхазию со стороны англичан, турок или черкесов, из Николаева рассылались предписания усилить действия крейсеров и принять меры к задержанию нарушителей. Обычно эти меры результатов не давали. Контрабандистов задерживали редко и часто после того, как им удавалось передать груз.

Самой масштабной была турецкая контрабанда. Но она состояла из оружия и боеприпасов и не могла повлиять на положение России в регионе. Наиболее опасной была деятельность англичан, которые оказывали материально-техническую и военно-политическую помощь, снабжая горцев оборудованием для развития местного производства боеприпасов, инструкторами и агентами, способными поддержать в местном населении волю к борьбе с Россией.

В целом действия русского военно-морского флота по предотвращению контрабандной торговли и проникновения иностранцев в Черкессию были малоэффективны, но оказывали сдерживающее влияние, не давая заинтересованным сторонам серьезно осложнить положение России в Кавказской войне.

¹ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 1354. Л. 2-3 об.

² Там же. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3933. Л. 25-27; Д. 3584. Л. 83.

³ Там же. Ф. 410. Оп. 1. Д. 1097. Л. 1-1 об.

⁴ Там же. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3584. Л. 98.

⁵ Там же. Ф. 410. Оп. 1. Д. 429. Л. 1.

⁶ Там же. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3584. Л. 83-83 об.

⁷ Там же. Ф. 410. Оп. 1. Д. 1043. Л. 1-1 об.

⁸ Там же. Л. 12 об.

⁹ Там же. Л. 13 об. - 14.

¹⁰ Там же. Д. 241. Л. 3-4, 6-8.

¹¹ Там же. Ф. 410. Оп. 1. Д. 541. Л. 1-2, 6-8.

¹² Там же. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3751. Л. 1.

¹³ Там же. Д. 3584. Л. 29, 50.

¹⁴ Там же. Л. 1-1 об.

¹⁵ Там же. Ф. 410. Оп. 1. Д. 210. Л. 7, 60, 63, 72.

¹⁶ Там же. Л. 63.

¹⁷ Там же. Л. 59 об. - 60.

¹⁸ М. П. Лазарев: Документы. М., 1955. Т. 2. С. 259.

¹⁹ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3584. Л. 16-16 об.

²⁰ Там же. Л. 86-86 об.

²¹ Там же. Ф. 410. Оп. 1. Д. 1098. Л. 4.

²² Там же. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3584. Л. 89; Д. 3751. Л. 1 об.

²³ Там же. Д. 3751. Л. 15-16.

²⁴ Там же. Ф. 410. Оп. 1. Д. 1310. Л. 1-2.

²⁵ Там же. Д. 1275. Л. 1-1 об.

²⁶ Там же. Л. 1 об. - 2 об.

²⁷ Там же. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3584. Л. 78.

²⁸ Там же. Д. 3751. Л. 1 об.

²⁹ Там же. Д. 3584. Л. 78.

³⁰ Там же. Л. 78-79.

³¹ Там же. Ф. 410. Оп. 1. Д. 1098. Л. 2-2 об.

³² Там же. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3751. Л. 14-16.

³³ Там же. Ф. 410. Оп. 1. Д. 1275. Л. 1 об. - 2 об.

³⁴ Там же. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3584. Л. 125-125 об.